

•
АНТИЧНЫЙ
МИР
•

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

В ПОХОДАХ И БИТВАХ

Н.С.
Голицын

Античный мир

Николай Голицын

Юлий Цезарь. В походах и битвах

«ВЕЧЕ»

1870

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Голицын Н. С.

Юлий Цезарь. В походах и битвах / Н. С. Голицын — «ВЕЧЕ»,
1870 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8809-2

Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н.э.) выдающийся государственный деятель и великий военачальник Античности. Как полководец Цезарь внес значительный вклад в развитие военного искусства Древнего Рима. Все войны он вел проявляя дальновидность и предусмотрительность в решении стратегических задач. Свои войска стремился располагать сосредоточенно, что позволяло ему, действуя по внутренним операционным линиям, быстро создавать необходимое превосходство над противником на избранном направлении. Недостаток сил он, как правило, компенсировал стремительностью, искусным маневром и широким применением полевых инженерных укреплений, демонстративных действий для введения противника в заблуждение. После победы в сражении организовывал преследование вражеской армии, которое вёл решительно, до полного уничтожения противника. В книге представлен один из разделов труда военного историка С.Н. Голицына (1809—1892) «Великие полководцы истории». Автор знакомит читателя с богатым полководческим наследием Юлия Цезаря. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-4484-8809-2

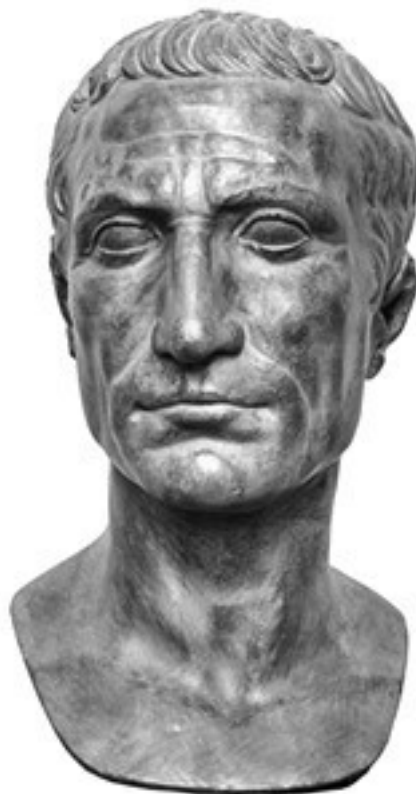
© Голицын Н. С., 1870

© ВЕЧЕ, 1870

Содержание

Глава I	7
Военное устройство и военные учреждения вообще[1]	7
Различные рода войск, вооружение и число их	9
Строй и образ действий войск	10
Внутреннее устройство и дух войск	13
Кастраментация, фортификация, полиорцетика и баллистика	15
Состояние военного искусства вообще	18
Морские военные силы и искусство	19
Глава II	21
Германцы	21
Галлы	23
Гельветы	26
Британцы	27
Парфяне	28
Глава III	30
I. Юлий Цезарь от рождения до войны в Галлии (100—59)	30
Цезарь от рождения до 18 лет (100—82)	30
Цезарь в гонении и в Малой Азии (82—75)	31
Цезарь в общественных званиях (74—60)	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Сергеевич Голицын Юлий Цезарь. В походах и битвах

© ООО «Издательство «Вече», 2020

Глава I

Римляне во времена междоусобий (133—30 гг. до Р. Х.)

Военное устройство и военные учреждения вообще¹

С началом междоусобий в Риме военное устройство и военные учреждения его совершенно изменяются в существе и духе и быстро клонятся к упадку. Главными причинами того были: всеобщее расстройство внутреннее – неизбежное следствие междоусобий, и незаконные, пагубные меры честолюбцев, домогавшихся верховной власти. Из них Марий первый нанес жестокий удар древним, превосходным военным учреждениям Рима. Достигнув консульского звания, этот честолюбец, плебей родом и враг аристократии, в 107 году, во время войны с Югуртой, набрал армию – вопреки коренным государственным учреждениям – из беднейшего класса и из вольноотпущенников и рабов и с помощью этого, слепо преданного ему войска, завладел верховною в Риме властью. Примеру его последовали и все другие знаменитые честолюбцы этого времени: Сулла, Красс, Помпей, Цезарь, Антоний, Лепид, Октавиан, и таким образом главное основание совершенства военного устройства Рима – превосходный состав римских армий – было сокрушено навсегда, а с тем вместе и самое военное устройство этого государства получило совершенно другой вид.

Право служить в войске перестало уже считаться почетнейшим преимуществом римского гражданина и быть единственным путем к общественным званиям и отличиям. Знатные и богатые римские граждане уже считали службу в войске тягостною обязанностью и всячески старались уклоняться от нее. Прежний же закон о прослужении в войске определенного числа лет для получения права на общественные звания не был более соблюдаем. Таким образом армии римские, не составляемые более из лучшей, отборнейшей части граждан, были набираемы почти исключительно из беднейших граждан – пролетариев (вовсе не имевших ни состояния, ни имущества), вольноотпущенников, римских данников, иностранцев, даже преступников, разбойников и особенно рабов (Марий из последних составил себе даже особую стражу телохранителей). В составе римских армий этого времени в большом числе (у Помпея при Фарсале до 2000 чел.) являются также ветераны, поселенные на розданных им полководцами (Суллою первым) конфискованных и завоеванных землях, призываемые этими полководцами, в случаях особенной важности, на службу в войске, почему и назывались эвокатами (*evocati*) и пользовавшиеся на службе многими и большими преимуществами.

Разделение на римские, союзные и вспомогательные войска существовало только до Союзничьей войны (90–88). С этого же времени, по даровании италийским союзникам римлян прав римского гражданства, название союзных войск исчезло и осталось только разделение на войска римские, набираемые в Италии, и на войска вспомогательные, или когорты алариев (*auxiliares vel alariae cohortes*), набираемые в римских провинциях (*provinciae*) или подвластных Риму областях вне Италии, равно и по найму или добровольному уговору между независимыми от Рима народами Европы, Азии и Африки.

Набор римских войск в Италии производился без всякого различия происхождения, сословия, состояния и нравственности. Вместо всего этого Марий ввел только два условия – рост и силу тела. Это было шагом к варварству, ибо силу нравственную заменило грубою

¹ В книге представлен один из разделов труда Н.С. Голицына «Великие полководцы истории» 1875 г. Издательство посчитало возможным отчасти сохранить написание исторических имен и географических названий, а также орфографические и пунктуационные особенности первого издания.

физической. И для поступления в римскую конницу уже не требовали прежних условий богатого состояния, но набор в нее производили точно так же, как и в пехоту, и почти исключительно между подвластными Риму и независимыми от него народами. Граждане же из сословия римских всадников совершенно освободились от службы в коннице и являются в армиях уже только лично при особах полководцев, в различных высших и почетных званиях или же в виде их телохранителей. Набор войск вообще уже производился без соблюдения прежних законных форм, без различия триб и большею частью по жребию. Случаи же уклонения или освобождения от набора и военной службы происходили все чаще и чаще вследствие подкупа с одной и продажности, лихоимства и злоупотреблений с другой стороны.

Набранные войска уже приносили присягу в верности не республике и отечеству, но тому полководцу, который набирал их, и только в отношении к нему нарушение присяги считалось изменой. Необходимость же ведения почти непрерывных и продолжительных внутренних и внешних войн, поддержания незаконно приобретенной верховной власти, содержания завоеванных стран в повиновении и защиты границ государства от начавшихся уже нападений народов Средней Европы и Верхней Азии побуждала полководцев всеми мерами удерживать войска сколько можно долее под знаменами и не распускать их более по окончании войн, но содержать и в мирное время.

И так военное звание, столь почетное прежде, сделалось уже просто ремеслом, а армии, доколе народные, временные, отличавшиеся превосходным составом из отборных граждан, сделались уже в существе своем наемными, постоянными, только не в силу закона, а вопреки ему, – соединяли в себе все недостатки дурного состава и неправильного, безразборчивого набора и, по мере быстрого распространения римлянами своей власти в Европе, Азии и Африке, постепенно умножались числом. Необходимость содержать завоеванные страны в повиновении и защищать их от нападений внешних врагов заставляла постепенно занимать каждую из провинций, на которые было разделено государство, особою армией. Армии в провинциях были подчинены правителям последних – проконсулам, прослужившим уже год консулами, и преторам. В руках проконсулов и преторов была соединена высшая в их провинциях военная и гражданская власть, и это соединение военной власти с гражданской было причиной необыкновенных самовластия, притеснений и лихоимства правителей.

Различные рода войск, вооружение и число их

Вновь введенный способ набора и состава армий был естественной причиной, что войска уже не могли быть, как прежде, разделяемы по возрасту воинов, на классы. Названия гастатов, принципов и триариев исчезли, и вместо этих трех составилась один род тяжелой или линейной пехоты, без особенного наименования. Название же велитов хотя и сохранилось, но давалось уже легкой пехоте, набираемой у подвластных народов и не входившей в состав легионов.

Конница была по-прежнему тяжелая и легкая, но сверх того Тит Ливий и Юлий Цезарь упоминают еще о среднем роде конницы (*setrati*), наподобие греческих пельтастов. Этот род конницы не принадлежал, однако, к составу легионов.

Вооружение войск было то же, что и прежде.

Относительное число различных родов войск в легионах и армиях изменилось тем, что определенный, хотя и непостоянный, состав в легионах имели только тяжелая пехота, именно от 4 до 5000 чел., и собственная легионная конница в числе 300 чел. Число вспомогательных же, легкой пехоты и конницы тяжелой и легкой, было неопределенное и зависело от обстоятельств, однако вообще умножилось против прежнего. В особенности, с ходом времени, постепенно умножалось число вспомогательной конницы, и конница эта большею частью была весьма хорошая, потому что римляне, по мере распространения своих завоеваний, постепенно усиливали собственную конницу более или менее хорошою конницею испанскою, галльскою, германскою, греческою, азиатскою и африканскою или нумидийскою. Из них испанская, галльская, германская и греческая большею частью была тяжелая, азиатская же и африканская – легкая. Вообще конница в это время начала уже составлять $\frac{1}{8}$ и даже $\frac{1}{7}$ римских армий.

Числительная сила легионов была неодинаковая, но средняя простиралась обыкновенно от 4 до 6000 чел., никогда не превышая последнего числа, но часто, от убыли в войнах, составлявшая и менее 4000 чел. Так, например, у Цезаря при Фарсале в 8 легионах было только 22 000 чел., т. е. средним числом по 2750 чел. в легионе.

Числительная сила армий была весьма различна, потому что армии не состояли уже, как прежде, постоянно из 4, но почти всегда из большого числа легионов, даже до 10 и более, не считая вспомогательных пехоты и конницы, как, например, у Цезаря в Галлии, у Помпея в междоусобной войне с Цезарем и у полководцев в последующие времена.

К числу особенностей этого периода должно отнести распространившееся в римских армиях употребление метательных орудий и слонов в поле, особенно во времена Цезаря и Помпея. При каждом легионе стали уже возить в походе до 30 малых, легких или полевых катапульт и баллист, на каждую из которых полагалось по 10 чел. прислуги. Орудия эти были, однако, употребляемы не в полевых сражениях, но, как и прежде, при проходах чрез теснины, переправах через реки и особенно при атаке и обороне лагерей и укреплений. Слоны, напротив, начали уже быть употребляемы и в полевых сражениях, особенно в конце этого периода, в Испании, Греции, Азии и Африке.

Строй и образ действий войск

До времен Мария легион римский обыкновенно разделялся, строился и действовал так же, как и прежде, т. е. в квинкунциальном строе по манипулам, но иногда и по когортам. Строй по когортам означал еще, впрочем, всякого рода временное, в виде исключения, соединение и построение вместе двух или более манипул той же или разных линий, в тех случаях, когда строю нужно было придать более твердости.

Но введенный Марием нового рода состав римских армий сделал уже всякий иной строй легиона невозможным. Коль скоро легионы начали быть составляемы из людей неопытных, не приученных к действию в строе по манипулам, коль скоро воины легиона уже не могли более быть разделяемы на классы, то естественно, что и действие легиона в строе по манипулам не могло уже соединять в себе условий успеха и самый строй этот должен был измениться. К этому присоединилось еще и другое обстоятельство, а именно – состав, устройство и образ действий некоторых из народов, с которыми римляне вели в этом периоде внешние войны, как то галлов, германцев, войск понтийских, парфян и нумидян. Сражаясь преимущественно, а иные и исключительно на конях и действуя многочисленными силами, они принудили римлян, по необходимости, еще более прежнего увеличить самостоятельность частей или отделений легиона.

Таким образом, со времен Мария квинкунциальный строй легиона по манипулам был заменен квинисунциальным же строем оного по когортам в 3 линии. Легион делился уже не на 30 манипул трех родов тяжелой пехоты, но на 10 когорт, составленных каждая из трех манипул от 400 до 500 и иногда 600 чел. одинакового рода тяжелой пехоты без особого названия. Глубина строя, пространство, занимаемое каждым воином в шеренге и ряду, и шахматное расположение первых двух линий остались те же, что и прежде. Но когорты имели уже от 40 до 50 и 60 рядов во фронте, промежутки между когортами, сначала равные длине фронта их, впоследствии стали все более и более уменьшаться, дистанции же между линиями были гораздо больше прежнего. Линии стали уже означаться не классами воинов, а номерами 1-м, 2-м и 3-м. 1-я линия состояла из четырех, а 2-я и 3-я – каждая из трех когорт. Когорты 2-й линии становились против промежутков когорт 1-й линии, в 3-й же линии 1-я или правая и 3-я или левая когорты позади 1-й и 4-й когорт 1-й линии, дабы удобнее прикрывать фланги легиона, а 2-я когорта 3-й линии – в центре оной, позади 2-й когорты 2-й линии. Воины 1-й и 2-й линий назывались так же, как и прежде, антесигнанами, т. е. впереди знамен стоящими; в 3-й же или резервной линии были помещаемы храбрейшие, а иногда и самые рослые и сильные воины. При 1-й когорте этой линии, под охранением ее примипила, находился и легионный орел. Сверх того каждая когорта имела свое знамя или свой значок наподобие прежних в манипулах.

Против этого обыкновенного строя легиона по когортам делались по временам следующие изменения: 1) легион делили не на 10, а на 15 когорт, соединяя не по 3, а по 2 манипулы и располагая по 5 когорт в каждой из трех линий, или же легион, разделенный на 10 когорт, строили в 2 линии, по 5 когорт в каждой; но Юлий Цезарь и Помпей всегда делили и строили легион так, как было означено выше; 2) когорты строили иногда в 5 шеренг, для увеличения длины фронта, как, например, Цезарь при Фарсале; 3) промежутки между когортами уменьшали более или менее, а иногда и вовсе уничтожали, смыкая легион в фалангу; дистанции же между линиями, напротив, увеличивали, как, например, Цезарь – до 300 футов или до 130 шагов; наконец, 4) легионный орел часто ставили, особенно вначале, не в 3-й, а в 1-й линии.

Из особенных построений легиона в это время гораздо чаще прежнего встречаются построения: черепахою, даже в поле (как, например, у Антония против парфян), в виде пустых

или полных внутри четвероугольников против неприятеля и особенно конницы, нападавших со всех сторон (как, например, у Мария против Югурты и у Цезаря против галлов на р. Сабисе и в Африке при Руспине), и др.

Обыкновенный походный порядок был подобен прежнему, но, приближаясь к неприятелю, а иногда (например, против галлов, нумидян, парфян и т. п. народов) и постоянно в походе, следовали в порядке, известном под названием *agmen quadratum*, т. е. в виде пустого внутри четвероугольника. Так, например, следовали Марий против Югурты, Красс и Антоний против парфян, легаты Котта и Титурий против Амбиорикса и др. Особенно замечательны походные движения Мария против Югурты. Он двигался всегда в колонне полегиионно; Сулла с конницей и Манлий с пращниками, стрелками и вспомогательными лигурийскими когортами прикрывали колонну, один – справа, а другой – слева. Спереди и сзади шли, под начальством трибунов, по несколько легионных когорт налегке, без тяжестей. А вперед и по сторонам были посылаемы лазутчики (*speculators*) из туземцев, для разведывания о неприятеле.

И в этом периоде также часто встречаются, особенно в походах Цезаря, необыкновенно быстрые движения. Так, например, при осаде Герговии, в Галлии, Цезарь двинулся в полночь с конницей и 4 легионами налегке против эдуев или эдуитов, настигнул их в 32–34 верстах, окружил, принудил положить оружие, дал войскам 3 часа отдыха и до восхода солнца воротился в лагерь свой под Герговией, следовательно, прошел от 64 до 68 верст в 24 часа и сверх того еще сражался!

В боевых порядках армий римские легионы по-прежнему становились в центре, когорты же вспомогательных войск – по флангам. Велитами занимали все промежутки между когортами, легионами и турмами – конницы, а также их ставили впереди, по флангам и позади линий, словом – все отделения тяжелой пехоты и конницы были со всех сторон окружаемы легкою пехотой. В отношении к употреблению конницы в этом периоде усматривается значительное против прежнего изменение. Весьма часто ставили ее всю в совокупности впереди, позади или на одном из флангов пехоты. Так, например, Цезарь в Галлии часто ставил ее в 1-ю линию, дабы рассеивать многочисленную галльскую конницу и обеспечивать от нее свою пехоту. При Фарсале у Помпея вся конница была сосредоточена на левом, а у Цезаря – на правом фланге. При Уците у Сципиона вся линейная конница находилась на правом фланге, а нумидийская – позади пехоты; у Цезаря же вся конница была на левом фланге. Вообще Цезарь почти всегда держал всю конницу в совокупности и употреблял ее в массах, как самостоятельный род войск. Подобно галлам и германцам, и римляне также постоянно имели в это время обыкновение перемешивать отделения конницы с отделениями легкой пехоты и чаще, нежели прежде, к каждому всаднику даже присоединяли по велиту, которого он перевозил, в случае надобности, на лошади за собою. Такого рода соединение конницы с легкою пехотой в особенности усматривается у Цезаря. Конница его почти всегда была малочисленнее конницы его противников, а потому он и поддерживал ее легкою пехотой и даже тяжелою, как например, при Фарсале – 6 когортами, а при Уците – целым 5-м легионом и легкою пехотой, и в обоих случаях – с большим успехом.

Образ действий различных родов войск, легионов и армий был подобен прежнему. Бой начинала легкая пехота; затем 1-я линия производила нападение, а другие две поддерживали ее, либо подкрепляли слабейшие или угрожаемые пункты, либо прикрывали фланги, или же увеличивали длину фронта. Легкая пехота прикрывала или поддерживала все действия тяжелой пехоты и конницы, а эта последняя производила нападения малыми отделениями и часто целыми массами в совокупности, преимущественно на одном из флангов. Против парфян и нумидян армии часто действовали наступательно-оборонительно в строе четвероугольника. Но, действуя таким образом против парфян, Красс был разбит ими, а Антоний лишь с трудом мог отразить их.

Вообще сражения этого времени представляют чрезвычайное разнообразие употребления различных родов войск в совокупности и средств одержания победы. В этом отношении выше всех стоят сражения Цезаря, подобно тому, как и он сам, как тактик, стоит выше всех предшествовавших ему и последовавших за ним полководцев древности. Тактика при нем достигла высшей, можно сказать, степени развития в древние времена.

Внутреннее устройство и дух войск

В начальствовании, образовании, содержании, военном порядке и вообще во внутреннем устройстве и духе римских войск в это время усматриваются большие перемены.

Звание диктатора сделалось целью и орудием честолюбцев, стремившихся к верховной власти, и давалось почти непрерывно. Легатам полководцы начали уже вверять начальствование над одним или несколькими легионами. Это звание обратилось, некоторым образом, в старший из подчиненных полководцу военачальнических чинов. При этом и число легатов умножилось. Так у Помпея в войне с морскими разбойниками было 15, а у Цезаря в Галлии – 10 легатов, которые обыкновенно начальствовали легионами и отрядами. Военные же трибуны начальствовали когортами, а центуриями в когортах – центурионы, из которых примипилом продолжал называться старший центурион 1-й центурии 1-й когорты, имевший место и голос в военном совете.

Военные упражнения были те же, что и прежде, только не между гражданами, а в войсках, особенно Помпеевых и Цезаревых. По свидетельству Саллюстия, сам Помпей был чрезвычайно искусен во всех родах гимнастических и военных упражнений. Войска этого времени были занимаемы также и разными государственными работами и постройками, особенно устройством военных дорог в завоеванных областях, укреплением постоянных лагерей и городов, и т. п.

Жалованье войскам было удвоено Цезарем перед началом войны его с Помпеем, т. е. перед 1-м испанским походом, и с этого времени пеший воин получал 10 римских ассов (около 21 коп. сер.) в сутки, центурион – вдвое, а всадник в коннице – втрое более. Из жалованья по-прежнему делались различные вычеты.

В отношении к военным порядку и духу римские войска в это время находились, так сказать в состоянии, переходном от прежнего совершенства к расстройству и упадку, и представляют зрелище и странное, и горестное. Они бесспорно отличались еще и храбростью, и порядком, и благоустройством, поддерживаемыми более или менее строгостью военных законов. Несомненным доказательством тому служат многочисленные и блистательные победы римлян, обширные их завоевания и быстрое распространение ими своей власти в Европе, Азии и Африке в это время. Но, с другой стороны, войска римские уже были одушевлены не благородными чувствами чести и любви к отечеству и славе, но дикими: свирепством, кровожадностью, страстью к грабежу, алчностью к добыче и самым гнусным корыстолюбием. Римские уже только по названию, они действительно принадлежали тем честолюбцам, которые набирали их, содержали на своем жалованье и, всячески потворствуя их грубым и низким страстям, употребляли их как слепое орудие для исполнения преступных своих замыслов – незаконного присвоения верховной власти в Риме. Без стыда признавая правилом, что где хорошо, там и отечество (*ubi bene, ibi patria*), они с одинаковою жестокостью грабили и разоряли римские и неприятельские земли и проливали кровь их мирных, беззащитных жителей, явно восставали, в случаях неудовлетворения их корыстолюбия, против правительства и самих полководцев своих и не стыдились принимать деятельное участие в преступных заговорах против государства, подобных Катилинину, в бунтах, мятежах и междоусобицах. Даже самые Цезаревы войска, столько же храбрые и честолюбивые, сколько и преданные Цезарю, дерзнули раз, увлеченные корыстолюбием, явно восстать против него, и только мудрость, твердость и присутствие духа его могли обратить их к чувству долга и повиновению и спасти Рим от разграбления и кровопролития. И самый способ усмирения их Цезарем достаточно свидетельствует уже о нравственных расстройстве и упадке войска римского. Известно, что Цезарь, явившись перед бунтовщиками, спросил их: – Чего хотите, товарищи? – Увольнения, – отвечали они. – Вы получите его, граждане, – возразил Цезарь, и одно это название граждан, столь почетное

и тесно связанное с званием воина прежде, считалось уже столь унижительным и оскорбительным для воинов теперь, что войска Цезаря немедленно раскаялись и смирились.

Из сказанного выше легко заключить можно, что в римских войсках этого времени странным образом соединено было, из личных выгод полководцев, с строгостью военных законов самое постыдное послабление их. А с тем вместе и наказания за военные проступки и преступления в иных случаях были не только строги, но даже и жестоки, а в других, напротив, слабы, несообразны вине и не согласны с справедливостью и законами, словом – совершенно зависели от произвола полководцев. Награды же военные, с распространением роскоши, развращением нравов и ослаблением законов, начали быть раздаваемы чаще, неумереннее, с меньшею справедливостью, часто не только не согласно с законами, но и вопреки им, и, утратив прежнюю, главную цену свою – почетность, приобрели взамен того большую или меньшую степень ценности, роскоши, пышности и великолепия, удовлетворявших корыстолюбию и тщеславию. Так, вместо прежних простых и скромных, но обыкновенно почетных венков из травы и древесных листьев были раздаваемы почти исключительно венки из самых редких и дорогих растений и цветов и венцы из драгоценных металлов. В виде наград (а позже и за деньги) высших чинов стали освобождать от лагерной службы, а простых воинов – от рытия укреплений и других работ в лагерях. В отношении же к присуждению триумфов стали чаще и чаще отступать от законных правил и форм и делать противозаконные исключения. Так, большого триумфа начали удостоивать не только проконсулов, преторов и пропреторов, но даже лиц, не имевших никаких общественных званий. Так, например, Фульвий был награжден большим триумфом в звании проконсула, а Помпей три раза – в звании римского всадника и частного человека. Вместе с тем чрезвычайно увеличились и роскошь, пышность и великолепие больших триумфов, продолжавшихся иногда по несколько дней. Сверх того в это время усматривается и новая у римлян награда полководцам – воздвижение им победных трофеев. Этой высокой чести удостоились, впрочем, только Помпей и Цезарь.

Кастраметация, фортификация, полиорцетика и баллистика

Период междоусобий бесспорно составляет эпоху наибольшего развития и самого цветущего состояния кастраметации {военный термин, обозначавший искусство выбирать места для лагерей войск и обеспечивать их укреплениями}, полевой и долговременной фортификации, полиорцетики {искусство осады городов} и баллистики у римлян.

Расположение римских лагерей оставалось прежнее, но укрепление их сделалось гораздо сложнее и сильнее. Укрепления вообще давали гораздо большие и сильнейшие профили, валы делали выше и толще, а рвы, большею частью водяные, – шире и глубже, усиливали укрепления башнями с бойницами, крытыми ходами между башнями над валом, – толстым тыном, волчьими ямами, засеками {оборонительное сооружение из деревьев, поваленных рядами или крест-на-крест вершинами в сторону противника и т. п.}. Словом – лагеря, и особенно постоянные, стали совершенно уподобляться малым крепостцам (фортам).

Полевая фортификация не ограничивалась, впрочем, одним укреплением лагерей, но получила и значительное применение к укреплению боевых мест. Так, Силла устроил против понтийских колесниц прочный тын, с рвами по флангам между 1-ю и 2-ю линиями, а Марий против тевтонов сильно укрепил боевое расположение свое на полуострове при истоке Родана (Роны). Вообще полевая фортификация, более сообразная с римскими, нежели с греческими, строем и образом действий войск, была и развита в это время гораздо более у римлян, нежели у греков.

В отношении к полиорцетике римляне, сверх общих, изложенных выше, способов и средств атаки и обороны городов, употребляли в это время еще следующие.

В приступах открытою силой они нередко прибегали к особенной машине под названием *tolleno*, или ящичного ворона: она состояла из длинной балки, которая серединою своею была укреплена на поперечной перекладине, лежавшей на двух вертикальных столбах. На одном конце этой балки находился большой деревянный ящик, в котором помещались воины, а к другому были прикрепляемы канаты, посредством которых ящик с воинами поднимали на стену. Открытою силой города брали также посредством так называемой короны (*urbem corona oppugnare aut capere*) или венца, т. е. вокруг города располагали в 2 линии пехоту и в 3 конницу и таким образом приближались к нему, постепенно стесняя круг и под прикрытием черепашьей легкой пехоты неся лестницы, фашины {связки прутьев, пучок хвороста, перевязанный скрученными прутьями (вицами), веревками или проволокой.} и проч. Обыкновенные приступы производились посредством черепашьих щитов и иногда весьма успешно. Так Антоний взял этим способом предместья Кремоны.

При обложениях город окружали всегда контр- и циркумвационными линиями, способ укрепления которых вообще сходствовал с способом укрепления полевых лагерей; но иногда они состояли из укреплений, еще более сложных и сильных, и для возведения которых производились огромные работы. Особенного внимания в этом отношении заслуживают контр- и циркумвационные линии в обложениях и осадах, произведенных Цезарем, и преимущественно при осаде Алезии в Галлии, равно и укрепленные линии его при Диррахии в Эпире. При Алезии, занятой 80 тысячами галлов под предводительством вождя их, Верцингеторикса, Цезарь вырыл первоначально два рва, глубиною и шириною в 20 футов, в 400 шагах от тех мест, где должны были быть устроены контрвационные {валы, стены вокруг осаждаемых объектов, препятствующие осажденным прорвать блокаду или совершать вылазки} и циркумвационные линии {непрерывная линия укреплений, которую строили войска, осуществлявшие осаду крепости для прикрытия своего тыла на случай попыток противника выручить осажденных нападением извне}. Эти рвы предназначены были прикрывать устроение линий от галлов

со стороны Алезии и поля. Под их прикрытием и были возведены обе линии, из которых контр-валационная имела 11 000 шагов (около 7 верст), а циркумвалационная – 14 000 шагов (около 972 верст) в окружности. Укрепления каждой линии состояли: 1) из вала с зубчатым грудным прикрытием (бруствером), полукруглыми возвышенными укреплениями (бастионами) в расстоянии 80 шагов одно от другого, и с наклонным к полю тыном; 2) из широкого и глубокого рва, во многих местах наполненного водою; – 3) из засек впереди рва, в 5 рядов дерев, нижние концы которых были врыты в землю, а сучья снаружи застроены, и 4) из 8 рядов шахматобразно расположенных волчьих ям впереди засек; между волчьими ямами и крайними, наружными рвами были набросаны остроконечники (шострапы). Эти укрепления могут дать вообще понятие о полевых укреплениях римлян в это время.

Правильные осады производились преимущественно посредством насыпи (*agger*), значение и цель которой были уже объяснены выше. По мере возвышения насыпи устройство оной прикрывали деревянными щитами (*crates*, *plutei*, по-нынешнему блиндами, мантилетами). Посредством этих насыпей приближались к городским стенам, разбивали их стенобитными орудиями или же разрушали посредством подкопов. Все осады Цезаря были производимы посредством насыпей, и некоторые из его насыпей имели необыкновенные вышины, ширину и толщину. Так, например, при осаде Аварика в Галлии (ныне Бурж во Франции) насыпь Цезаря имела 330 футов, или с лишком 47 сажен в ширину. Но самую большую насыпью была, кажется, устроенная Силлою при осаде Массады. Она имела 286 футов вышины, на ней находилось укрепление (вроде нынешнего кавальера) в 70, а на укреплении – башня в 85 футов вышины, что составляло всего 441 фут (6 сажен) вышины над поверхностью земли!

Подкопы были употребляемы очень часто и производимы весьма разнообразно. Особенного внимания заслуживают подкопные работы, произведенные Силлою при осаде Афин.

Подвижные машины, употреблявшиеся римлянами в правильных осадах, состояли: 1) из подвижных крытых: ходов (*vincae*, *musculi* и др.) и щитов (*plutei* и др.); 2) из черепах (*testudines*) различных устройства, назначения и именовании; 3) из подвижных башен (*turres ambulatoriae*), вообще троякой величины: малые или 10-ярусные имели до 180 футов в высоту и до 50 в ширину, средние или 15-ярусные – до 270 футов в высоту и до 60 в ширину, и большие или 20-ярусные – до 360 футов в высоту и до 70 в ширину; размеры эти впрочем изменялись весьма различно; в трудных и продолжительных осадах, как, например, при осаде Массилии Цезарем, близ городского рва строили даже неподвижные, каменные башни; наконец, 4) из стенобитных орудий (*terebrae*), главным видом которых был таран (*aries*), уже значительно усовершенствованный в это время в устройстве и обыкновенно прикрываемый, вместе с действовавшими им людьми, посредством черепах (*testudines arieratae*) или помещаемый в нижних ярусах подвижных башен (*turres arieratae*): длина таранов простиралась от 7 до 17 сажен, вес до 1000 пудов и более, а для действия каждым требовалось от 100 до 1000 чел., разделенных на смены.

Метательные орудия разделялись: по устройству и действию – на катапульты (*catapultae*) и баллисты (*ballistae*), а по величине – на большие или тяжелые и малые или легкие. Большие катапульты метали большие копья, пуки стрел и других родов тела горизонтально, на расстоянии от 400 до 800 шагов, и были употребляемы только при обороне городов и полевых укреплений. Малые катапульты, или скорпионы, метали также копья и стрелы горизонтально, но на расстоянии только от 300 до 500 шагов, и были употребляемы преимущественно в поле. Как большие, так и малые катапульты метали иногда даже зажигательные стрелы (*falaricae*, *malleoli*), с паклею, серою, смолою и другими горючими веществами и составами на их остриях. Баллисты метали камни и другие тяжелые тела навесно, большие – весом до 10 пудов и более, на расстояние от 400 до 600 шагов, и были употребляемы большею частию при атаке и обороне городов и полевых укреплений, малые же, или онагры, были употребляемы преимущественно в поле. Сверх того были сложные баллисты, действовавшие и навесно, и горизонтально, и ручные скорпионы и онагры, перевозимые и приводимые в действие только одним человеком. Боль-

шие или тяжелые орудия и военные машины строили вне городских выстрелов и подвозили по заблаговременно уравненным дорогам или деревянным настилкам. Орудия располагали на выгоднейших пунктах, сообразно с величиною их и дальностью расстояния от города, для прикрытия подвоза машин и самой атаки города. Что касается силы действия как метательных, так и стенобитных орудий, то, если верить древним писателям, она была чрезвычайно велика, так что самые высокие, толстые и крепкие стены, преграды и тела не могли противостоять ей.

Все означенные здесь средства атаки были употребляемы в больших, правильных осадах, отдельно либо в совокупности, сообразно с обстоятельствами.

Оборона городов производилась такими же средствами, что и прежде, но значительно умноженными и усовершенствованными и чрезвычайно разнообразными. Главными из них были: действия метательных орудий, подкопы и контрподкопы, вылазки, разрушение работ и машин осаждавшего или по крайней мере затруднение или остановка подвоза и действия его машин – разных родов прикрытия стен и оборонявших оные воинов от действия осаждавших и их машин – возвышение стен или построение новых позади и, наконец, оборона проломов и внутреннейности городов.

Вообще с равномерными в свое время успехами, как атаки, так и обороны городов, большие осады продолжались обыкновенно очень долго, ведены были с большими усилиями и трудами, упорством и искусством и редко оканчивались сдачею осажденных городов по уговору, а большею частию – взятием оных приступом.

Примечательнейшими осадами этого времени были осада Афин Силлою (87–86) и все осады Цезаря, представляющие верх полиорцетического искусства этого времени, в особенности же осады Алезии и Массилии.

Состояние военного искусства вообще

Если с одной стороны период римских междоусобий ознаменован изменением и упадком военного устройства и военных учреждений Рима и нравственным упадком римских войск, то с другой стороны, в отношении к военному искусству вообще, он поистине составляет любопытнейшую, занимательнейшую и поучительнейшую эпоху в военной истории Рима и даже всех древних времен. Действительно, в это именно время римляне, предводимые такими полководцами, как Марий, Сулла, Метелл, Лукулл, Помпей, Антоний и в особенности величайший из них – Цезарь, вели в различных странах и против различных народов мира такие войны, как внешние против Югурты, кимвров и тевтонов, Митридата, испанцев, галлов, германцев и парфян, и внутренние междоусобные с Серторием, Мария с Суллой и Помпея с Цезарем, и одерживали такие победы, как при Аквах Секстийских (Секстиевых), Херонее, Орхомене, Фарсале, Тапсе, Мунде, Филиппах и др. В это время тактика, логистика, кастраметация, фортификация, полиорцетика, баллистика, словом – все отрасли военного искусства, имея в главе таких деятелей, как означенные выше полководцы и над всеми ими Цезарь, являются бесспорно на высшей степени развития, совершенства и блеска в древности.

Морские военные силы и искусство

Войны, веденные римлянами во времена междоусобий, в странах, отделенных от Италии морем, равно и на самом море, тесно соединив сухопутные военные действия с морскими, сообщив последним большое значение и важность и сделав необходимым содержание римлянами сильных, постоянных флотов, были причинами, что морские военные: силы и искусство у этого народа достигли в это время значительной степени развития и совершенства, и Рим является уже государством, столько же сильным на море, сколько и на твердой земле. Помпей и сын его, Секстий, в особенности сделали римский флот сильным и грозным, а война между Антонием и Октавианом была ведена даже преимущественно на море и решена на нем победою в знаменитой морской битве при мысе Акции.

По этим причинам состояние морских военных сил и искусства у римлян во времена междоусобий заслуживает особенного внимания. Не входя, впрочем, в подробное рассмотрение его, ограничимся кратким взглядом на устройство морских военных судов и морских экипажей и войск, начальствование во флоте, военные гавани, военные морские тактику и искусство и награды за заслуги и отличия на море.

Для строения судов назначены были особые, общественные, кораблестроительные леса (*silvae publicae*), а для выбора и рубки леса поставлены определенные правила. Военные суда (*naves bellicae*) разделялись: 1) набольшие, называвшиеся по числу рядов весел, биремами, триремами, квинкверемами, гексерами, октерами и т. д.; из них наиболее употребительными были триремы и квинкверемы; 2) на легкие военные суда (*lusoriae naves*) в 1 или 2 ряда весел, употреблявшиеся большею частью для наблюдения и разведывания (*naves speculatoriae*), и 3) малые суда или военные лодки (*naves actuariae*). Сверх того были перевозные суда (*naves corbitiae*), из которых легкие назывались *cimbae*, а Цезарь в Галлии употреблял на реках и в устьях рек понтоны (*pōntones*) – род галльских тяжелых речных судов. Для произведения удара военные суда были вооружаемы надводными и даже подводными, железом окованными хоботами (*rostra ferramenta*). Для предохранения же от ударов неприятельскими хоботами бока военных судов были прикрываемы ушами или щитами из толстых балок. Большие, иногда даже и легкие военные суда имели палубы (*tabulata, catastromata*), на которых становились военные орудия и машины, 2 и 3-ярусные башни и происходил в битвах рукопашный бой. В числе военных машин находились абордажные крюки различных вида, устройства и названий (*ferreae manus, harpagones, corvus* и др.), опускаемые мосты (*sambuca* и др.), зажигательные орудия и машины, метавшие зажигательные вещества и снаряды, машины для поднятия и потопления неприятельских судов, разрушения городских стен и др. т. п. Римляне употребляли также особые зажигательные суда (брандеры).

Люди на флоте (морские экипажи) разделялись на гребцов (*remiges*) или матросов и на морские войска (*classarii, epibatae, navales*). Гребцы или матросы были набираемы из тех же сословий и таким же образом, как и прежде, а морские войска – подобно легионам. Те и другие присягали, подобно сухопутным войскам, на верность полководцу, набравшему их. На квинкверемах было по 400 гребцов, а на прочих судах – в соразмерности. Морские войска были вооружены так же, как и сухопутные, но сверх того имели длинные копья, косы на длинных древках, секиры с двух лезвиях и т. п. оружие для абордажей и боя на судах. Гребцы также были вооружены.

Начальствующими чинами во флоте были: 1) начальники рядов весел, означавшие меру гребли ударами молотков; 2) особые чины, имевшие надзор за канатами, рулем, мачтами, парусами, якорями и проч.; 3) кормчие (*gubernatores, magistri navium*), опытные и искусные моряки, хорошо знавшие морские ветры, гавани и проч.; 4) навархи (*navarchi*) – начальники судов, и 5) корабельные префекты (*praefecti navis*), начальствовавшие морскими войсками на судах.

Главное же предводительствование флотами принадлежало консулам или преторам, либо было вверяемо особым начальникам с званием предводителя и префекта флота (*dux praefectusque classis*).

Военные гавани были естественные или природные и искусственные. Последние состояли из плотины в виде полукружия с двумя молами, выдававшимися далеко в море. Вход, у которого часто были маяки, замыкался цепями. Внутри гавани были устраиваемы несколько отделений, отделенных одни от других каменными стенами, для лучшего обеспечения судов от ветра, верфи, склады и проч. Со стороны моря гавани были прикрываемы тыном из толстых бревен в один или несколько рядов, и впереди него – сомкнутыми рядами старых судов, а с сухого пути – земляными, деревянными или каменными валами со рвами, башнями и воротами.

Перед отправлением флотов в море сначала сажали на суда гребцов, а потом морские войска, производили смотр флотам с разными религиозными и торжественными обрядами и затем выходили в море, впереди легкие, за ними большие и наконец перевозные суда. При высадках вытаскивали суда на берег и, если надобность того требовала, ограждали их с моря тыном, а с сухого пути – полевыми укреплениями.

Морские сражения происходили большею частью близ берегов, почему и были тщательно наблюдаемы времена приливов и отливов. Перед сражениями облегчали суда по возможности от всего лишнего, убирали паруса и опускали мачты, дабы ветер не мешал гребле, и строились в боевой порядок. Боевые порядки были различные: обыкновенный и более употребительный (*acies duplex*) состоял в том, что флот строился в прямые линии, имея большие суда в 1-й, а меньшие во 2-й, или же вогнутою линиею (*acies lunatas falcata*), имея большие и лучшие суда по флангам, либо выпуклою линиею, имея этого рода суда в вершине дуги или впереди, или клещами (*forceps*) против клина, или клином (*acies cuneata*) против клещей. Сигналами к бою служили, также как и в сухопутных войсках и действиях, красный флаг, который был выкидываем на преторианском (адмиральском) корабле, и игра на всех трубах и рогах, какие имелись на флоте. Затем все гребцы и войска на флоте поднимали боевой крик и пели боевой гимн в честь Марса или Аполлона. Бой открывали действием метательных орудий и оружия; потом 1-я линия, поддерживаемая 2-ю, производила нападение на веслах, причем каждое судно старалось обезоружить или потопить неприятельское ударом своего хобота в середину или вдоль боковой части судна так, чтобы сделать пролом или сломать весла. Затем уже сцеплялись на abordаж и вступали в рукопашный бой на палубах. В продолжение боя бросали в неприятельские суда разные зажигательные материалы и составы и часто употребляли брандеры. Первые из них были с особенным успехом употреблены Октавианом в сражении при Акции.

Флот, одержавший победу, торжествовал ее победными кликами и музыкой, и тем, что носовые части всех судов были увешиваемы лаврами. Наградами же за морские победы были морской венец (*corona navalis*), синие знамена и морской триумф (*triumphus navalis*).

Глава II

Германцы, галлы, гельветы, британцы и парфяне

Германцы

Распространяя власть свою в Европе и Азии, римляне пришли, во времена междоусобий, в первое столкновение, в Европе – с германцами, трансальпинскими галлами, гельветами и британцам, а в Азии – с парфянами. По важности и примечательности войн их с этими народами необходимо вкратце изобразить здесь воинский быт последних и состояние у них военного дела в это время.

Первое место в числе этих пародов принадлежит германцам, как потому, что с ними первыми из всех пришли в столкновение римляне, так и потому, что в историческом отношении германцы были замечательнейшим из всех народов, с которыми когда-либо вели войны римляне. Впрочем, в периоде междоусобий, римляне только два раза имели случай воевать с германцами: в первый – в пространстве времени с 113 по 101 год, когда кимвры и тевтоны, два племени германцев, произвели нашествие на среднедунайские земли, Гельветию, Цизальпинскую и Трансальпинскую Галлию и Испанию, но, дважды разбитые Марием в Трансальпинской и потом Цизальпинской Галлии, удалились обратно в Германию и в этом периоде уже более не возвращались; а во второй раз – в пространстве времени с 58 по 54 год, когда Цезарь, в войне галльской, совершил против германцев один поход (58) на левой и два (55–54) на правой стороне Рейна. Поэтому римляне в это время еще очень мало знали германцев, и именно столько, сколько могли собрать сведений о них во время действий Мария и Цезаря. Из этих сведений вообще оказывается следующее.²

Кимвры и тевтоны были телом необыкновенно рослы, крепки, сильны и бодры, а нравом люты, свирепы и запальчиво храбры, но не могли переносить большой жары и продолжительных, тяжелых трудов, не имели достаточно терпения, твердости и постоянства и, дерзкие в удаче, упали духом в неудаче. Нашествие свое на Юго-Западную Европу они произвели в весьма значительных силах, с семействами и стадами своими. Они сражались отчасти на конях, большею же частью пешими. Из них пешие были вооружены легко и дурно, самым простым и грубым оружием, и отчасти из удалства и молодечества, отчасти из презрения к неприятелю, нередко, идя в бой, обнажались до пояса, отчего, однако, претерпевали большой урон ранеными и убитыми. Но всадники их были вооружены очень хорошо и богато. Они носили гладко выточенные (полированные) и блестящие стальные латы, белые деревянные щиты, а вместо шлемов – головы различных диких зверей с разверзтыми пастьями и с высокими перьями в виде крыльев, что придавало им страшный вид. У каждого всадника было по длинному и тяжелому мечу и по 2 дротика. Кимвры и тевтоны сражались обыкновенно впереди своих станов, огражденных со всех сторон повозками и в которых оставляли свои семейства и стада. К бою они строились большими, тесно сомкнутыми, квадратными массами, а в сражении с Марием при Верцеллах (101) кимвры в первых рядах были связаны цепями, прикрепленными к щитам, для того чтобы лучше хранить равнение, непроницаемость и твердость строя. Они и тевтоны имели трубы и, вместо знамен, древки с грубыми изваяниями зверей, животных, птиц и т. п. В бой они шли с страшным шумом и криком, или, лучше сказать, диким ревом, от которого, по словам римских историков, кровь застыла в жилах у самых храбрых воинов, и первое нападение производили с неимоверными запальчивостью, яростью, стремительностью и силой, но

² В круглых скобках указаны даты. – *Примеч. ред.*

если неприятель выдерживал его хладнокровно и стойко и если при этом время было знойное, то они вскоре приходили в изнеможение и, по словам римских писателей, слабели телом и духом, подобно женщинам и детям. Если же они были опрокидываемы в свои станы, то оборонялись в них с необыкновенными упорством, ожесточением и даже остервенением, действуя дротиками, мечами и секирами из-за повозок и с вершины их. Женщины в боях помогали мужчинам, подавая и переменяя им оружие, вынося раненых и убитых, и т. п., при нападениях же неприятеля на станы принимали деятельнейшее участие в бою и сражались с неменьшими против мужчин храбростью, упорством и ожесточением.

Цезарь, в своих комментариях или записках о войне галльской, сообщает очень мало сведений о германцах. Из них видно только, что германцы были народ мужественный, воинственный, храбрый, гордый своею независимостью, страстно привязанный к ней и необыкновенно тщеславный. Самым многочисленным, сильным и воинственным племенем германским, по словам Цезаря, были суэвы (свевы), или союз 100 племен под общим названием суэвов. Каждое из этих союзных племен ежегодно высылало по 1000 воинов на войну. Вождь суэвов, Ариовист, в переговорах с Цезарем объявил, что германцы – народ, редко живущий под кровлей, но все время проводящий в войне, привычный к владению оружием и непобедимый. Другие два германские племена, тенхтеры и узипеты или узипняне, переправившиеся при Цезаре через Рейн в Галлию, с женами и детьми, в числе более 43 000 человек, гордо объявили Цезарю, что отцы и деды научили их никогда и ни у кого не просить пощады. Все вообще германцы были, по словам Цезаря, огромного роста, имели зверский вид и были до невероятности смелы, отважны, даже дерзки. Они сражались большею частью пешими, но главную силу и лучшую часть их ополчений составляла конница, хорошо вооруженная и устроенная. Каждый всадник перевозил на лошади за собою по одному пешему воину. Если бой становился упорным, то пешие воины соскакивали с лошадей, выступали вперед и принимали деятельное участие в бою. Если который-либо из всадников был ранен, то они выносили его из боя. Они были столь легки и быстры на бегу, что нередко, держась одною рукою за лошадиную гриву, бежали рядом с скакавшими во весь опор лошадьми. К бою германцы строились по племенам, поколениям и семействам, тесно сомкнутыми квадратными частями или отделениями. Нападения они производили с мечами в руках и в бою нередко строили черепаху, прикрытую щитами спереди, с боков и сверху. Станы же свои они ограждали со всех сторон тесно сдвинутыми повозками, не столько для обороны, сколько для того, чтобы никто не надеялся убежать. Во всем прочем германцы, против которых сражался Цезарь, представляют общие черты сходства с кимврами и тевтонами.

Галлы

Второе место после германцев принадлежит трансальпийским галлам, покоренным Цезарем после 7-летней, упорнейшей войны с ними. В комментариях Цезаря находим обстоятельные и любопытные сведения об этом народе и стране, в которой он обитал. Последняя заключала в себе пространство между Атлантическим океаном, Рейном, Альпами, Средиземным морем и Пиренеями и составляла собственную Галлию, которую римляне, в отличие от ближней (к Риму), Цизальпинской или Предальпийской (*Gallia citerior aut cisalpina*), называли Дальней, Трансальпийской или Заальпийской (*Gallia ulterior aut transalpina*), а также Широкоплатяною (*braccata*) – от носимого ее жителями широкого исподнего платья, и Длинноволосою (*comata*) – от длинных, распущенных волос их. Цезарь разделил ее, по различию в наречиях ее жителей, на 3 главные части: Галлию Бельгийскую, или Бельгику – на северо-востоке между Рейном и Секваною (ныне Сена), Галлию Аквитанскую, или Аквитанию – на юго-западе, между Гарумною (ныне Гаронна), океаном и Пиренеями, и Галлию Кельтийскую, или Кельтику – в середине, между океаном, Секваной, Роданом и Гарумной. Юго-восточная часть Галлии, вдоль Средиземного моря, от Альп до Пиренеев, уже задолго до Цезаря была завоевана римлянами и обращена в римскую провинцию, позже по главному городу своему, Нарбону, названную Г а л л и е ю Нарбонскою (ныне Прованс во Франции). Впрочем, Бельгика, Кельтика и Аквитания различались и не одними наречиями своих жителей, но и нравами и обычаями последних, как равно и собственными топографическими и климатическими свойствами.

Бельгика на севере, по близости моря, была страна ровная, покрытая лесами и пересеченная многими реками и болотами, а на юге – гористая и лесистая. Жители ее, по словам Цезаря, происходили большею частью от германцев, которые перешли через Рейн и поселились в этом краю, изгнав туземцев. По этому ли происхождению от германцев или по близкому соседству с ними и по отдаленности, напротив, от римлян, бельги, чуждые роскоши и неги, были самым сильным, воинственным и храбрым, но и самым необразованным и грубым народом в Галлии. Замечательнейшими, по войне с Цезарем, племенами их были: морины и нервии – по берегу океана, суэссоны и ремы – к востоку от них, веромандуи и беллоаки – в середине между теми и другими, левки – к в. и медиоматрики – к западу от Вогезских гор, верозуны – по обеим сторонам р. Мозы (ныне Маас), трибокки, неметы, убияне и батавы – на левом берегу нижнего Рейна, и к з. от них – менапии и адуатуки, или тунгры.

Кельтика была страна холмистая, с многими равнинами и обширными лесами. Часть ее вдоль берегов океана называлась Ареморикою, или Арморикою: здесь деятельно производились судоходство и рыбная ловля. В Кельтике обитали одни собственно кельтнческие племена, которых было очень много. Примечательнейшими из них по войне с Цезарем были: эдуи, или эдуиты и карнаты – по всему течению р. Литера (ныне Луара), венеты, куриосолиты и унеллы – по берегу океана, от устья р. Литера до устья р. Самары (ныне Сомм), сеноны, лингоны и паризияне – по течению р. Секваны, бойи и авлерки – внутри страны, арверны, кадурки и лемовики – к северу от Гарумны, и секваны и равраки – между р. Араром (ныне Саона) и средним Рейном. Жители Кельтики, живя ближе к римлянам, нежели бельги, и ведя деятельную внутреннюю торговлю, были богаче и образованнее всех прочих галлов и не имели диких и суровых нравов бельгов, хотя были тоже народ весьма храбрый.

Наконец Аквитания была страна, пересеченная множеством рек, но не весьма плодородная; в ней находились также леса и горы. Жители ее были отчасти единоплеменники иберян, или испанцев, и отчасти кельты. И те, и другие во многом сходствовали с испанцами. Примечательнейшими, по войне с Цезарем, племенами их были битуриги, конвены и ауски.

Но в главных чертах все вообще галлы, по описанию Цезаря, сходствовали между собой. Все они отличались высоким ростом, крепостью и силою телесными, способностью переносить

холод, прямодушием и необыкновенною храбростью. Но, рожденные в стране сырой и холодной, они, подобно германцам, не переносили жары и, изнемогали, слабели телом и духом. Не страшась никаких опасностей, они боялись трудов и не имели ни твердости, ни терпения, необходимых для перенесения их, были легкомысленны и непостоянны, в удаче являя отважность и дерзость, безрассудные, в неудаче же приходя в уныние и отчаяние. Необыкновенно тщеславные, они любили носить дорогие одежды и украшения, были страстны к золоту и деньгам, крайне суеверны, и жестоки, люты и свирепы на войне и даже в мире.

Общественное их устройство представляло следующие главные черты:

Низшее сословие, или простой народ находился почти в рабстве и ни во что не считался. Вся власть, все влияние, все права и преимущества, все почести и отличия принадлежали двум высшим сословиям – друидам, или жрецам, и всадникам, как их называет Цезарь, потому что они сражались не иначе как на конях. Друиды судили споры и ссоры, частные и общие, тяжбы и дела уголовные, решали дела о мире и войне между племенами и проч. Поэтому они имели большое влияние на общественные дела и управление и пользовались большим уважением. К сословию всадников принадлежали все благородные и знатные галлы (по-нынешнему – дворянство). Главным, почетнейшим их занятием была война – и они вели ее непрерывно. Охота была также любимым их занятием. Им принадлежало и гражданское управление, и из среды их ежегодно были избираемы как главные гражданские правители, так и главные военные вожди. Каждое племя имело свое особенное управление и своих особенных правителей и вождей, но вместе с тем они составляли один народ, общие дела которого решались в общенародных собраниях. Должно, однако, заметить, что до и во время войны с Цезарем галлы вообще были постоянно разделены на две противные и враждебные одна другой политические партии, из которых в главе одной находились эдуи или эдуиты, давнишние союзники римлян, а в главе другой – то арверны, то секваны, а во время войны с Цезарем – ремы. Точно так же были разделены каждое племя и каждая община. Цезарь тщательно поддерживал это разделение и весьма искусно пользовался им.

Военное же устройство галлов представляется в следующем виде:

В обыкновенных случаях на войну шли знатнейшие всадники с собственными дружинами, составленными из их домочадцев, подвластных им простолюдинов и солдуров. Так назывались молодые люди благородного происхождения, которые добровольно поступали к всадникам на службу оруженосцами, клялись им в верности и повиновении, учились у них всему, что касалось военного дела, и разделяя с ними военные их труды, подвиги и славу, участвовали и в их забавах, охоте, пирах и т. п. Солдуры, равно как и все другие благородного происхождения воины дружин, сражались на конях, а простолюдины – пешими. В случаях же особенной важности или опасности производилось поголовное вооружение одного или нескольких соединенных племен, и в этих общенародных ополчениях также высшее сословие составляло конницу, а простой народ – пехоту. Как в обыкновенных случаях, так и в чрезвычайных обстоятельствах, из сословия всадников в общенародных собраниях был избираем главный военный вождь, который имел, однако, весьма ограниченную власть и находился в большой зависимости от предводителей частных дружин. Главную силу и лучшую часть галльских ополчений составляла, как естественно, отличная конница из сословия всадников, хорошо и богато вооруженная, в шлемах и латах, с щитами, мечами и дротиками, и на добрых конях. Пехота была вооружена большею частью только длинными мечами и большими щитами. В бою всадники составляли переднюю шеренгу, в строю разомкнутом, а солдуры их, в некотором расстоянии за ними и в таком же строю, – заднюю. Пехота сражалась в более или менее сильных, тесно сомкнутых, квадратных частях, или отделениях, под предводительством своих родоначальников, старейшин или всадников. Подобно германцам, и галлы, идя в бой, производили страшные шум и крик, многие из них нередко обнажались до пояса и точно так же, как германцы, галлы первое нападение производили с запальчивостью, но, в случае упорного сопротивления

неприятеля, скоро изнемогали телом и упали духом. За всем тем они справедливо пользовались славою отменно храбрых войск, лучшим свидетельством чему могут служить все их битвы с Цезарем, и сам Цезарь вполне отдает им в этом должную справедливость.

Гельветы

Гельветы, жители Гельвеции (нынешней Швейцарии), участвовавшие в нашествии кимвров и тевтонов и позже сражавшиеся в Трансальпинской Галлии с Цезарем, были, по словам последнего, народ необразованный, грубый, гордый и жадный к завоеваниям и корысти, но мужественный, воинственный и храбрый. Каждый из благородных, знатных и богатых гельветов имел свою дружину, составленную из его домочадцев, друзей, домашней челяди и вольных охотников, иногда числом до 10–15 000 чел. Предводительствуя такого рода дружиною, он ходил на войну для отнятия чужих земель, обогащения своего грабежом и добычей и удовлетворения страсти к войне и удалству. Гельветы сражались обыкновенно пешими, с чрезвычайными: стойкостью, упорством и настойчивостью, впереди, вокруг или позади своих повозок и обозов, в строю, имевшем вид квадратной фаланги, т. е. одинаковые ширину и глубину, и прикрываемом спереди, с боков и сверху черепахой из щитов. Они имели также и конницу, хотя и в небольшом числе. Во всем прочем они сходились с германцами и галлами.

Британцы

Британцы, бритоны или бриты были кельтического происхождения, по более дики и грубы, нежели кельты галльские. Они жили отчасти в городах, большею же частью отдельными селениями в лесах, которыми была покрыта Британия, в хижинах, огражденных земляными окопами, и красили себе тело, одевались в звериные шкуры, управлялись многими князьками или царьками, иногда и царицами, и жили скотоводством, звериными и рыбными промыслами, войной и грабежом. Оружие их составляли длинные мечи, секиры и дротики. Они носили щиты, но шлемов и лат не употребляли, имели малорослых, но сильных и быстрых коней и сами были хорошими всадниками. Главную силу их составляли военные колесницы, которые они в бою употребляли с большим искусством, устремляли их с величайшими: быстротой и силой прямо в середину или в промежутки неприятельских рядов и, внезапно останавливая их, соскакивали с них на землю, сражались пешими и снова сажались на них, если были слишком тесными. Сам Цезарь не пренебрегал таким образом действий, соединявшим, по его мнению, легкость и быстроту конницы с твердостью и стойкостью пехоты. Вообще британцы были весьма ловки, проворны и особенно искусны в управлении лошадьми. Впрочем, военное дело у них находилось в самом грубом состоянии.

Парфяне

Парфяне, народ скифского происхождения, обитали в Верхней или Средней Азии, в стране, лежавшей к ю. от Гиркании и к в. от Мидии, покрытой обнаженными горами и песчаными степями, бесплодной, холодной в горных, знойной в низменных частях своих и потому особенно способствовавшей образованию крепких телом, суровых нравами и мужественных воинов. До Александра В. парфяне были подвластны персидским, а по смерти его – сирийским царям. В 256 же году до Р. Х., воспользовавшись падением Греко-Бактрийского царства и смутами в Сирийском, они образовали независимое Парфянское царство, основателем которого и родоначальником царственной династии *Арзакидов* был Арзак I. В следующие затем 100 лет воинственные и честолюбивые Арзакиды распространили пределы Парфянского царства на востоке до Пинда, а на западе до Евфрата. Здесь, после падения царства Митридата В., они пришли в соприкосновение и наконец в столкновение с римлянами, и подобно тому, как германцы на севере, в Европе, так они на востоке, в Азии, около 300 лет (от 54 года перед Р. Х. до 226 г. по Р. Х.) противопоставляли неодолимую преграду завоеваниям римлян, сильно теснили с востока римские пределы и не раз в войнах с римлянами наносили им жестокие поражения, пока наконец не уступили своего места персам.

По свидетельству Трога Помпея и других историков римских и греческих, парфяне, в периоде войн их с римлянами, были народ коварный, жестокий, более хитрый и дерзкий, нежели храбрый, притом тревожно-деятельный, беспрестанно искавший поводов к войнам внешним или внутренним и преданный роскоши, неге и разврату. Правление его было монархическо-аристократическое: власть царей, избираемых исключительно из рода Арзакидов, была ограничена высшим государственным советом, суренами, или полководцами и сильною аристократией. Царскими столицами были: летнею – Экбатана, а зимнею – Ктезифон. Конная служба составляла почетнейшее преимущество и отличие высшего, благородного и свободного сословия. Число рабов было огромное и беспрестанно умножалось (потому что господа их не имели права их освобождать), и потому парфянские армии всегда были составлены преимущественно из рабов, образовавших весьма хорошую легкую конницу. Армиями предводительствовали обыкновенно сами цари либо их братья, сыновья или близкие родственники, при которых в таком случае всегда состоял один из опытейших и лучших полководцев, для совета и руководства. Вооружение парфян и образ действий их в бою сохранили те же черты, которые всегда имели у скифов. Вооруженные преимущественно метательным оружием – луками и дротиками, парфяне славились необыкновенно ловким, искусным, метким и сильным действием ими, в особенности же стрельбою из луков с коней, на всем скаку, вперед и назад. Поэтому они были столько же страшны в бегстве, сколько и в нападении и в преследовании. Они имели, впрочем, также и пехоту, и тяжелую конницу, в которой всадники – может быть, по примеру прежних соседей и властителей парфян, персов – были с головы до ног покрыты латами. В поле, если неприятель действовал наступательно, парфяне отступали врассыпную, производя сильную стрельбу из луков и частые нападения с фронта, флангов и тыла, отдельными толпами удалцов-наездников, поддерживаемых сильными отрядами. Ослабив и утомив этим неприятеля, они производили общее, дружное, решительное нападение с нескольких сторон. При отступлении неприятеля они быстро и сильно преследовали его, действуя, впрочем, так же, как и при его наступлении. Посредством такого образа действий, искони свойственного скифам, парфяне разбили и истребили армию Красса при Каррах к Месопотамии, – армию Антония принудили с огромным уроном отступить из Мидии и впоследствии останавливали все усилия римлян к распространению пределов Римского государства на Востоке. При таком образе действий и составе парфянских армий из конницы, весьма естественно, что парфяне сражались всегда на равнинах, боя же на местности пересеченной тщательно избегали, ста-

раясь заманивать неприятеля на местность ровную и открытую. Вообще постоянною чертою действий парфян в поле и в бою было стремление подавлять неприятеля числительным превосходством, сил, а там, где одной силы было недостаточно, – прибегать к пособию военных хитростей.

Глава III

Войны и походы Юлия Цезаря (58–46 гг. до Р. Х.)

I. Юлий Цезарь от рождения до войны в Галлии (100—59)

Цезарь от рождения до 18 лет (100—82)

Гай Юлий Цезарь {так как род Цезарей был римский, то по латинскому произношению название его *Caesar* правильное писать и произносить по-русски Цезарь, а не Цесарь, что есть искажение того же названия на греческом языке – *Καίσαρ*, Кесарь} родился в 100 г. перед Р. Х. (654 г. от основания Рима), в пятом месяце (*quintilis*, который поэтому и был впоследствии назван по имени его Юлием). Он происходил по отцу от принявшей с конца III века прозвание Цезарей, одной отрасли весьма древнего и знатного рода Юлиев, переселенного Туллом Гостилием из Альбы в Рим, принадлежавшего с тех пор к сословию римских патрициев и со времени учреждения республики постоянно облакаемого в высшие общественные в Риме звания. Об отце Гая Юлия Цезаря известно только, что он был претором и умер, когда сыну было 16 лет (84). Мать Гая Юлия Цезаря, Аврелия, знатного, хотя и плебейского по происхождению рода, была женщина возвышенного характера и строгой нравственности, тщательно занималась воспитанием сына и в особенности содействовала разумным и просвещенным руководством развитию счастливых природных дарований его и приготовлению его к достойному исполнению будущего призвания его. И сын ее вполне усвоил себе плоды ее заботы. Он учился также у галла М. Антония Гнифона, философа и учителя красноречия, отличного ума, обширной учености и знатока греческой и латинской литератур, которые изучил в Александрии. В это время греческий и латинский языки были в совершенно равной мере достоянием всякого образованного римлянина, почему и Юлий Цезарь с малолетства владел обоими в одинаковом совершенстве (и даже последние слова его Бруту при убийстве были греческие: *Καὶ σὺ, τέκνον!* т. е. и ты, дитя, или чадо!). Хотя и жаждавший наслаждений, однако, по словам Светония, он не пренебрегал ничем для приобретения тех достоинств, которые вели молодых патрициев к общественным званиям. Желая отличиться между всеми сверстниками своими, он не ограничился изучением наук и литературы, но и сам сочинял, и в числе его сочинений упоминаются «Похвалы Геркулесу», трагедия «Эдип», собрание избранных изречений и книга о прорицании, написанные такими чистыми и правильными языком и слогом, что снискали ему известность отличного писателя. Но, по словам Тацита, он был менее счастлив в стихотворном искусстве; однако до нас дошло несколько стихов его в память Теренция, которые не лишены изящности.

И так воспитание образовало из Юлия Цезаря отличного, вполне образованного молодого человека. По свидетельству римских писателей, он соединял с добротою сердца необыкновенный ум, с храбростью сверхъестественную увлекательное красноречие, замечательную память, безграничную щедрость и редкое качество – спокойствие в гневе. «Его снисходительность, – говорит Плутарх, – его вежливость, его благосклонный прием – качества, которыми он обладал в степени свыше своего возраста, заслужили ему любовь народа».

С этими природными дарованиями, развитыми блистательным воспитанием, в нем соединялись и преимущества внешние или телесные. Его довольно высокий рост и правильное телосложение придавали всей его внешности изящную приятность, отличавшую его от всех. Глаза у него были черные, взор проницательный, цвет лица бледный, нос прямой и довольно длинный, рот небольшой и правильный, но губы несколько толстые, что придавало нижней

части лица его выражение благоволения, между тем как широкий лоб его обнаруживал особенное развитие умственных способностей. Лицо его в молодости было довольно полное, но на бюстах его, сделанных под конец его жизни, изображается более исхудалым и истомленным. Голос у Цезаря был звучный и дрожащий, телодвижения – благородные, вся внешняя осанка – исполненная достоинства. Телосложение его, сначала нежное, с ходом времени укрепилось умеренностью в пище и питии и привычкою подвергать себя всем воздушным переменам и непогодам. Смолоду привычный ко всем телесным упражнениям, он необыкновенно смело и ловко ездил верхом на лошади и легко переносил лишения и труды. Воздержанный в своей обыкновенной жизни, он не вредил своему здоровью неумеренностью ни в труде, ни в наслаждениях. Внешностью своею он тщательно занимался: гладко брил бороду, волосы искусно зачесывал сзади на перед головы, что в зрелом возрасте служило ему к сокрытию лысины на голове. Одежду он носил щеголеватую, с бахромою на тоге и с небрежно повязанным поясом, по обычаю изнеженных щеголей того времени. По этому поводу Сулла и говорил, что нужно было остерегаться этого молодого человека с слабо повязанным поясом. Наконец, Цезарь любил картины, статуи, драгоценные камни и всегда носил на пальце перстень с вырезанным на нем изображением вооруженной Венеры, в память своего – по его мнению – происхождения от Венеры и Анхиса.

Таково изображение Юлия Цезаря в молодости, до 18 лет, в телесном, умственном и нравственном отношениях Плутархом и многими римскими писателями. Из этого изображения можно вообще вывести заключение, что Цезарь, в телесном и нравственном отношениях, соединял в себе свойства, редко соединенные в одном человеке, а именно: с аристократическою нежностью телесною – нервический темперамент воина, изящность ума – с глубиною мышления, любовь к роскоши и изящным искусствам – со страстью к военной жизни во всей ее простоте и суровости, словом с изяществом обворожительных внешних форм – энергию повелительного характера.

Таков был 18-летний Цезарь, уже привлекавший на себя общее внимание в Риме, когда Сулла сделался диктатором (в 82 г.). Уже за 4 года перед этим (в 86 г.), по влиянию дяди его, знаменитого Мария, женатого на тетке его, Юлии, он был назначен, 14 лет от роду, жрецом Юпитера. А в 16 лет он был помолвлен, против воли, на дочери одного богатого римского всадника, Коссуции, но по смерти отца своего отказался жениться на ней и год спустя женился на Корнелии, дочери Корнелия Цинны, бывшего сотоварища Мария и представителя его партии. От этого брака родилась дочь Юлия, бывшая впоследствии женою Помпея.

Цезарь в гонении и в Малой Азии (82–75)

Подозрительно и враждебно взирал Сулла на Цезаря. Прежде всего он захотел принудить его отвергнуть (*repudiare*) жену свою Корнелию, но Цезарь не повиновался ему, без страха за жизнь свою. За это Сулла лишил его сана жреца, приданого жены и наследства в своем роде. Цезарь, дабы избегнуть гонений его, был принужден скрываться в разных местах в окрестностях Рима и однажды, остановленный шайкою убийц, нанятых Суллой, подкупил начальника ее, Корнелия Фагиту, дав ему 2 таланта (около 3 т. р.) { в книге указан рублевый эквивалент конца XIX в. – *Примеч. ред.* }, и спас свою жизнь. Между тем все, – общее участие к нему было так сильно, что наконец Сулла, уступая влиятельным ходатайствам на Цезаря, согласился помиловать его, прибавив: «Пусть будет по вашему желанию, но знайте, что тот, помилования которого вы просите, некогда будет виновником гибели партии сильных, за которую мы сражались вместе, потому что, поверьте мне, в этом молодом человеке – несколько Мариев». Сулла угадал верно: в Цезаре был Марий – великий полководец, но с гораздо более обширным военным гением, Марий – враг олигархии, но без страстной ненависти и без жестокости, наконец Марий – не человек своей партии, но человек своего времени.

Помилованный Цезарь не захотел быть равнодушным свидетелем кровавого правления Суллы и отправился (в 81 г.) в Малую Азию, где нашел убежище у царя Вифинии Никомеда. Вскоре он принял участие в военных действиях против Митридата, поступив волонтером под начальство претора Минуция Терма, в качестве его контубернала (contubernales были молодые люди знатных фамилий, состоявшие при полководце, бывшие ближайшими его сподвижниками и под руководством его изучавшие военное дело на практике). Минуций Терм послал Цезаря к Никомеду, склонить его к содействию осаде Митилена. Цезарь успел в этом и лично содействовал взятию этого города, причем за спасение жизни одного римского воина получил от Терма в награду гражданский венок (corona civica). Вскоре после того он воротился в Вифинию для защиты тяжбы одного из своих доверителей, в благодарность за оказанное ему в Вифинии гостеприимство.

Но частое пребывание его при дворе Никомеда послужило врагам его поводом к постыдным для Цезаря обвинениям, позже проникшим даже в некоторые прения римского сената и в песни римских воинов, сопровождавших Цезаря в его триумфе. Но Цезарь с негодованием опровергал эти гнусные обвинения. Участвуя в сухопутных военных действиях в первый раз, при осаде Митилена, он в первый же раз принял участие и в военных действиях на море – на флоте проконсула Сервилия (в 78 г.), которому поручено было вести войну против киликийских морских разбойников. Но он недолго оставался при Сервилии и, узнав о смерти Суллы, воротился в Рим (в 78 г.). Здесь, благоразумно держа себя совершенно в стороне от соперничества обоих консулов, Лепида и Катугла, он предпочел влиять на общественное мнение, публично клеймя словесно клеветов Суллы, дабы выказать себя и оратором, и патриотом. С этой целью он публично обвинил одного из таких клеветов Суллы, Долабеллу, бывшего консула и правителя Македонии, в злоупотреблениях по управлению ею. Суд, составленный из таких же клеветов Суллы, оправдал Долабеллу, но общественное мнение превознесло Цезаря за его смелость, патриотизм и блистательное красноречие. Ободренный этим, Цезарь обвинил некоего Антония Гибрида в том, что он, начальствуя отрядом конницы, произвел грабежи в некоторых частях Греции, когда Сулла возвращался из Азии. Обвиненный был также оправдан, но популярность Цезаря возросла еще более. После того Цезарь защищал еще нескольких угнетенных греков, чем заслужил благодарность всех греков в Риме, мнение которых имело в нем большие вес и влияние. Однако, несмотря на приобретенную им славу публичного оратора, Цезарь, решившийся оставаться чуждым смут Рима и Италии, предпочел снова удалиться на время и отправился (в 76 г.) в Родос усовершенствоваться в науках, потому что этот город, подобно Александрии, был в это время центром наук, местом пребывания знаменитейших философов и школой знатнейших молодых людей. Но на пути морем в Родос, близ одного из Sporadских островов, Фармакузы, Цезарь был взят в плен морскими разбойниками. Они потребовали от него 20 талантов (около 35 т. рублей). Он насмеялся над ними и сказал, что даст им 50 талантов (около 105 т. рублей), которые и послал раба своего занять в ближайших городах. А между тем он 40 дней провел на эскадре разбойников и внушил им такое уважение и даже страх к себе, что, по словам Плутарха, казался более их царем, нежели пленником, и шутя говорил им, что, раз на свободе, распнет их всех на крестах! Получив и заплатив им обещанные деньги, он высадился на берег и немедленно снарядил суда, напал врасплох на разбойников, отнял у них свои деньги и всю их добычу, а их самих выдал проконсулу Азии Силану. Но Силан, желая продать, а не казнить их, не принял их, и тогда Цезарь отправился в Пергам и там действительно распял их на крестах. Затем он отправился в Родос, пользоваться учением у Аполлония Молона, одного из знаменитейших учителей красноречия в это время. Но вскоре возобновление Митридатом в Малой Азии войны против римлян и движение его с армией к Кизикю побудили Цезаря покинуть свои учебные занятия и отправиться в провинцию Азию. Набрав здесь на свой счет войска, он изгнал из этой провинции Митридатова правителя

и удержал в повиновении те города, которые были сомнительны или колебались в верности римлянам.

Цезарь в общественных званиях (74–60)

Между тем друзьям его в Риме удалось назначить его главным жрецом (pontifex). Это побудило его отправиться в Рим и, из опасения снова попасть в руки морских разбойников, через Адриатический залив, на 4-весельной лодке, в сопровождении только двух друзей и 10 рабов. Прибыв благополучно в Рим (в 74 г.), он был избран значительным большинством голосов в военные трибуны, однако не воспользовался тем для принятия участия в военных действиях римлян ни в Испании против Сертория, ни в Азии против Митридата, ни на Востоке против варваров и морских разбойников, ни в самой Италии против восставших рабов. Цезарь не хотел служить ни в одной из римских армий, которые все находились под начальством приверженцев партии Суллы. Когда же оружие римское восторжествовало повсюду и во главе республики явились два консула-соперника, Помпей и Красс, Цезарь начал решительно, хотя и осторожно, действовать с целью образования себе сильной партии, снискания расположения народа и приобретения значения и веса, а для достижения этой цели употреблял всевозможные средства, и роскошь, и пышность, и расточительность, и ласкательства в отношении черни, распутною жизнью прикрывая обширные честолюбивые замыслы. И хотя он и разорился, но вполне достиг своей цели, распространив и утвердив свое влияние так, что ничто уже не могло поколебать его. Нет никакого сомнения, что он уже в это время имел в виду достигнуть верховной в Риме власти и уничтожить республику. Внимание его было постоянно обращено на восстановление марианской и подавление сулланской партий. Первым, явным свидетельством расположения к нему простого народа было назначение его военным трибуном (см. выше) и потом квестором, а вторым – всеобщее одобрение, когда он, по смерти тетки своей, вдовы Мария, осмелился публично произнести похвальное слово ей и несть за телом ее изображение Мария, а по смерти жены своей, Корнелии, дочери Цинны, публично же произнес и ей похвальное слово. Вскоре после того (в 68 г., 32 лет от роду) он отправился в Испанию, в звании квестора армии проконсула Антистия Вета. Здесь, как говорят некоторые историки, увидав статую Александра В., он горько заплакал, укоряя себя в том, что не совершил еще ничего в такие лета, в которые Александр уже покорил значительную часть тогдашнего мира. Пораженный этою мыслью, он, еще до срока своего квесторства, взял отпуск, возвратился в Рим и начал втайне возбуждать к восстанию транспаданских галлов, не имевших, но крайне желавших иметь права римского гражданства. Не успев возмутить их только потому, что консулы удержали в Италии войска, долженствовавшие отправиться в Малую Азию против Митридата, он прибегнул к другим средствам – тайным и преступным проискам и козням. Сильные подозрения пали на него в участии в 1-м заговоре Катилины (66 г.) и в заговоре Пизона. Но это нимало не ослабило расположения к нему народа; напротив, курульное эдильство {эдилы (aediles) имели в своем заведовании и надзоре все общественные в Риме зрелища, здания, постройки и полицию на городских рынках. Сперва их было только 2 из плебеев (aediles plebis), но с начала III века перед Р.Х. к ним были прибавлены еще 2 из патрициев (aediles curules)} его еще более усилило оное, вследствие великолепнейших игр, которые он, по званию эдила, давал народу и которые пышностью превосходили все, что когда-либо дотоле видали в этом роде в Риме. Сильный приобретенным таким образом необыкновенным расположением народа, он дерзнул восстановить в Капитолии уничтоженные народным приговором статуи Мария, с победными в честь его трофеями и надписями – и все изумились такой необычайной смелости, но никто не дерзнул воспрепятствовать Цезарю, а марианская партия ободрилась и снова явилась на свет. Катул и с ним многие другие видели в этом поступке Цезаря явное стремление к уничтожению

республики, но Цезарь силою своего красноречия не только вполне опровергнул Катугула, но и достиг того, что поступок его был одобрен самим сенатом (65 г.).

Но происки и козни его с целью быть посланным в Египет и привести эту страну и о. Кипр в подданство Рима не имели успеха. Катугула сильно восстал против этого, и Цезарь, хотя и поддержанный Крассом, потерпел неудачу.

Выйдя из эдилства, он принял (в 64 г.) звание уголовного судьи (*judex quaestionis*) и приговорил к смерти всех виновных в убийстве проскриптов (при Сулле), но спас более всех виновного Катилину, что подтвердило подозрения в соумышленности его с последним. И хотя ничего достоверного неизвестно касательно участия его во 2-м заговоре Катилины, но несомненно то, что он был в связях с Катилиною и благоприятствовал ему, вероятно, намереваясь воспользоваться плодами его предприятия в случае удачи. Подозрения против Цезаря были столь сильны, что он однажды днем, на площади, едва не был убит всадниками и только заступничеству Цицерона был обязан спасением жизни. В суде над заговорщиками он подал мнение о заключении их на целую жизнь в тюрьму; но Цицерон и Катон опровергли его, и заговорщики были казнены (63).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.